

**РЕАЛЬНОСТЬ ВЫМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ:
ОБ ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ ИЗ «СОЛЯРИСА» СТАНИСЛАВА ЛЕМА**

Ю. В. Доманский¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, 6
Поступила в редакцию 07.06.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-6

На примере фрагмента из романа Станислава Лема «Солярис» проводится мысль о том, что в литературном тексте художественный мир и мир физической реальности, взаимодействуя друг с другом, могут формировать такую реальность, которая парадоксальным образом оказывается реальнее той действительности, которую принято считать реальной; вместе с тем показывается, что художественный мир, реализованный в литературном тексте, может стать своего рода поводом для умозаключений читателя о мире, в котором читатель живет, то есть литература воздействует если не на действительность, то по крайней мере на восприятие действительности. Таким образом, художественный мир является не просто реальностью, а реальностью высшего порядка.

Ключевые слова: вымысел, художественный мир, физическая реальность, Станислав Лем, «Солярис».

Мы исходим из того, что литература не отражает действительность, но на основе действительности создает особый — художественный — мир. В процессе создания этого мира физическая реальность эстетически искажается, деконструируется, действительные значения превращаются в контекстуальные смыслы. Художественный мир литературы при таком подходе понимается как реализованная в комбинации словесных значений система контекстуальных смыслов, в которых первичные (прямые) значения эстетически искажаются. При этом отношения между двумя мирами — художественным и реальным (в терминологии И. В. и Л. П. Фоменко — миром, в котором живет автор; см.: (Фоменко, 1998)) могут быть осмыслены очень по-разному. В данном осмыслении можно пойти вслед за Бахтиным, декларируя автономность этих миров относительно друг друга: «...встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаём, созерцаем, жили и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» (Бахтин, 1994, с. 11–12). Можно принять как

аксиому один из уайльдовских афоризмов, предваряющих «Портрет Дориана Грея»: «В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь» (Уайльд, 2017, с. 6). Можно представить компромиссный вариант: «Художественный мир произведения отражает не объективный мир в целом, а лишь его локальную, “избранную” часть, это — “сокращенный” мир; но будучи “сокращенным”, художественный мир представляет собой модель мира в целом, где часть изоморфна целому» (Фёдоров, 1988, с. 7). Можно увидеть отношения и более сложного порядка — А. П. Чудаков в дневниковой записи от 26 ноября 1997 года так охарактеризовал собственное наслаждение от творческого процесса: «Почему приятно писать роман? Погружаюсь в вымышленную, хотя и реальную действительность — в ту, в которой я бы и хотел жить, — а не в этой, в которой живу» (Чудаков, 2015, с. 547).

Впрочем, в любом из заявленных ракурсов базовым останется тезис Аристотеля: «...задача поэта — говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости» (Аристотель, 2017, с. 20). Обобщая же, можно сказать, что отношения между мирами художественным и реальным при всей их (этих отношений) сложности, при всем многообразии их трактовок строятся на их взаимодействии, где вряд ли допустима полная автономность двух миров относительно друг друга, но и полное слияние их, равно как и тотальное отождествление невозможно (подробнее о проблеме художественного мира см. наши статьи: Доманский, 2018а; Доманский, 2018б).

Однако в данной статье мы рассмотрим случай более сложного порядка, нежели соотнесение того или иного элемента художественного произведения с тем или иным элементом реальной действительности; мы обратимся к такому элементу художественного мира, который отсылает к другому художественному миру, то есть один вымысел апеллирует к вымыслу другому, но делается, преподносится это так, будто речь идет не о вымысле, а о физической реальности.

Вот эпизод, который нас заинтересовал в заявленном ключе — в «Солярисе» Станислава Лема герой-рассказчик Крис Кельвин приходит к доктору Сарториусу: «Его худое лицо, все изрезанное вертикальными морщинами — так, наверное, выглядел Дон-Кихот, — ничего не выражало. Черная изогнутая пластина нацеленных на меня очков страшно мешала мне говорить» (Лем, 2018, с. 63).

Приведем данный сегмент и на языке оригинала: «Jego chuda twarz, cała w pionowych liniach — tak musiał wyglądać Donkiszot — była bez wyrazu. Czarna wygięta płytka wycelowanych we mnie okularów utrudniała mi w najwyższym stopniu mówienie» (Lem, 2019).

Момент этот привлекает не столько самой отсылкой к портрету хрестоматийного литературного персонажа, сколько тем, как эта отсылка преподнесена. Но даже если видеть только само указание на Дон Кихота, то уже на этом основании можно прийти к определенным

смыслам данного сегмента, а через него и характера Сарториуса из романа Лема; в частности, через простое соотнесение данного сегмента с портретным описанием Дон Кихота в тексте-источнике, то есть в книге Сервантеса выйти на сравнительную характеристику двух персонажей — сервантесовского и лемовского. Обычно исследования такого рода позволяют глубже понять не только персонаж из текста-реципиента, но и персонаж из текста-источника.

Приведем портретное описание героя романа Сервантеса из русского перевода, это самое начало книги: «Возраст нашего идадьго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник» (Сервантес, 2017, с. 31).

Как видим, соотнесение данной характеристики в части описания лица («лицом худощав») с описанием лица доктора Сарториуса у Лема («худое лицо, все изрезанное вертикальными морщинами») вполне допустимо. И на этом основании можно делать вывод о том, что лемовский персонаж и в плане характера может быть близок персонажу сервантесовскому. Возможно, именно так склонен или хочет воспринимать Сарториуса герой-рассказчик Крис в сцене первой их встречи. Для реконструкции этого восприятия достаточно взять хрестоматийные характеристики Дон Кихота (благородство, желание и стремление помочь всем обиженным и униженным, полная нерелевантность относительно окружающего мира и других людей, безумие с позиции остального мира...) и спроецировать их на доктора Сарториуса. Таким видит Кельвин своего коллегу? Может, хочет таким видеть? Реализуется ли в дальнейшем тексте романа донкихотство Сарториуса? Возможно, все наоборот — то есть сравнение Сарториуса с Дон Кихотом было такой специальной ловушкой для читателя, а Сарториус не только не Дон Кихот, но полная его противоположность? Не будем отвечать на эти вопросы, достаточно указать на саму правомерность постановки их на основании упоминания сервантесовского персонажа. Для нас важнее другое — *как, каким образом* у Лема преподносится сравнение Сарториуса и Дон Кихота.

И в этой связи важно, что описание внешности литературного персонажа в «Солярисе» делается через соотнесение ее не с каким-либо сегментом физической реальности, а с сегментом другого художественного мира, то есть один художественный мир раскрывается через другой художественный мир; но при этом на уровне языка дается так, словно речь идет не о литературном вымысле, а о явлении, реально имевшем место: «...так, наверное, выглядел Дон Кихот» (*tak musiał wyglądać Donkiszot*). Выглядел где? Вероятно, в книге. Но тогда не очень уместным выглядит указание на предположение: «наверное». Возможно, более точный перевод — «должен был выглядеть», однако такая характеристика в еще большей степени переводит систему из соотнесения двух художественных миров, двух вымыслов в иной относи-

тельно физической реальности регистр, представляя Дон Кихота не как вымышленное лицо, а как человека, существовавшего в реальной действительности («выглядел») или же должно там существовать (*musiał wyglądać*). И через это уже Сарториус, являющийся объективно не менее вымышленным персонажем, чем Дон Кихот, неожиданным образом приближается к переходу из вымысла в физическую реальность, ведь читатель, знающий, как выглядел (должен был выглядеть) «настоящий» Дон Кихот, теперь знает и то, как выглядит «настоящий» Сарториус.

И здесь важно, что «Солярис» — роман *фантастический*: фантастический персонаж (то есть персонаж вымышленный в еще большей степени, чем его собрат в литературе нефантастической — если вообще возможен разговор о степенях вымышленности) входит в реальность читателя, в которой уже — как реальный — существует Дон Кихот. Кстати, чтобы понять сравнение Сарториуса с Дон Кихотом, совсем не обязательно читать Сервантеса — зачастую и без чтения «Приключений хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» человек нашего времени знает, как выглядит заглавный персонаж этой книги; знает по разного рода визуальным образам (иллюстрациям, кино, театру, скульптурам...). Вернее, если оставаться в стилистике перевода Лема на русский язык, не *выглядит*, а *выглядел*, ибо существовал Дон Кихот в прошлом (относительно читателя — современника Лема и тем более относительно рассказчика Криса Кельвина, находящегося в далеком будущем). Только существовал ли? Объективно, конечно же, нет — не существовал (если речь идет о реальности физической): Дон Кихот — это вымысел, равно как вымысел и доктор Сарториус, внешность которого преподносится через сравнение с внешностью Дон Кихота. Может быть, поэтому более близкая (на наш взгляд) к оригиналу характеристика «должен был выглядеть» представляет отношения художественного вымысла и физической реальности еще более сложными: можно понять, что так Дон Кихот должен был выглядеть, если бы существовал реально, но можно понять и так, что Дон Кихот существовал реально, и хотя мы его не видели (он существовал давно), но выглядел он именно так.

Однако Дон Кихот в нашем восприятии парадоксальным образом «реальнее» многих и многих людей живших, скажем, во времена Сервантеса: мы знаем о жизни Дон Кихота, о его пристрастиях, чувствах, об образе мыслей, наконец, знаем, как *выглядел* или как *должен был выглядеть* Дон Кихот. Через это знание в физическую реальность читателя входит характеризующий доктора Сарториуса сегмент художественного мира фантастического романа Станислава Лема. Таким образом, вымысел в данном сегменте становится при восприятии реальностью. И все это делается через объяснение внешности литературного персонажа через внешность другого литературного персонажа, но в данном случае именно так вымысел художественный, более того — вымысел фантастический (то есть еще более вымысел, чем вымысел нефантастический) превращается для читателя в физическую реальность.

Итак, один небольшой пример показал, что художественный мир, не отражая реальность, стремится для читателя стать реальностью (не стать *как* реальность, а именно стать реальностью). Таким образом, реальность, создаваемая искусством, очевиднее того, что мы привыкли считать физической реальностью. Следовало бы добавить: «в отдельных случаях», учитывая необычность приведенного сегмента из «Соляриса», однако рассмотренный «отдельный случай», хоть и по-своему уникален (наверное, любой элемент любого значимого художественного мира уникален), но в то же время может быть признан *одним из* способов показа взаимодействия художественного и реального миров; и как бы эти способы ни были разнообразны, во всех этих примерах будет явно и очевидно проступать то самое стремление художественной реальности стать не просто физической реальностью, а реальностью еще более реальной, чем физическая; в этом, как представляется, состоит одна из определяющих характеристик художественного мира как такового.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. с др.-греч. В. Апфельрота, Н. Платоновой. СПб., 2017.

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9–69.

Доманский Ю.В. Художественный мир и мир реальный // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения) : матер. VI Междунар. науч. конф. Москва, 18–19 декабря 2018 г. М., 2018а. С. 21–25.

Доманский Ю.В. Художественный мир и физическая реальность // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018б. №2 (35), ч. 1. С. 59–69.

Лем С. Солярис : роман / пер. с польского Д. Брускина. М., 2018.

Сервантес С.М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанский. Кн. 1 : роман / пер. с исп. Н. Любимова, Ю. Корнеева. СПб., 2017.

Уайльд О. Портрет Дориана Грея : роман / пер. с англ. М. Абкиной. СПб., 2017.

Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.

Фоменко И.В., Фоменко Л.П. Художественный мир и мир, в котором живет автор // Литературный текст: проблемы и методы исследования : сб. науч. тр. Тверь, 1998. Вып. 4. С. 3–9.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени : роман-идиллия. М., 2015.

Lem S. Solaris. URL: www.bookswarez.prv.pl (дата обращения: 22.07.2019).

Об авторе

Юрий Викторович Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: domanskii@yandex.ru

Для цитирования:

Доманский Ю. В. Реальность вымысла в художественном мире: об одном фрагменте в «Солярисе» Станислава Лема // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №1. С. 101 – 107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-6.

THE REALITY OF FICTION IN A LITERARY WORLD:
ON AN EXCERPT FROM STANISŁAW LEM'S SOLARIS

Y. Domanski¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

Submitted on June 7, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-6

Using an excerpt from Stanisław Lem's Solaris, this article explores the idea that, in a literary text, a fictional world and the world of physical reality may interact to form such a reality that can paradoxically turn out to be more real than what we believe to be the actual reality. It is also shown that the fictional world realized in a literary text may bring the reader to certain conclusions about the world in which he or she lives. Thus, even if literature is incapable of affecting reality, it can change the way the latter is perceived. A fictional world is not just a reality – it is a reality of a higher order.

Keywords: fiction, fictional world, physical reality, Stanisław Lem, Solaris.

References

- Aristotle, 2017. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bakhtin, M., 1994. To the philosophy of action. In: M. Bakhtin, ed. *Raboty 20-kh godov* [The work of the 20s]. Kiev (in Russ.).
- Domanski, Y. V., 2018a. The art world and the real world. In: M. M. Golubkov, et al., eds. *Russkaya literatura XX – XXI vekov kak literaturnyi protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian literature of the XX – XXI centuries as a literary process (problems of theory and methodology of study): Proceedings of the VI International Scientific Conference]. Moscow, 18 – 19 December 2018. pp. 21 – 25 (in Russ.).
- Domanski, Y. V., 2018b. The art world and physical reality. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye»* [Bulletin of the RSUH. Series «History. Philology. Culturology. Oriental Studies»], 2 (35), pp. 59 – 69 (in Russ.).
- Lem, S., 2018. *Solaris: roman* [Solaris: the novel]. Moscow (in Russ.).
- Cervantes Saavedra, M. de., 2017. *Khitroumnyy idal'go Don Kikhot Lamanchskiy* [The cunning hidalgo Don Quixote of La Mancha]. St. Petersburg (in Russ.).
- Wilde, O., 2017. *Portret Doriانا Greya: roman* [Portrait of Dorian Gray: the novel]. St. Petersburg (in Russ.).
- Fedorov, F. P., 1988. *Romanticheskiy khudozhestvennyy mir: prostranstvo i vremya* [Romantic art world: space and time]. Riga (in Russ.).
- Fomenko, I. V. and Fomenko, L. P., 1998. The art world and the world in which the author lives. *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya* [Literary text: problems and research methods], 4, pp. 3 – 9 (in Russ.).

Chudakov, A.P., 2015. *Lozhitsya mгла na staryye stupeni: Roman-idilliya* [The haze lies on the old steps: the novel-idyll]. Moscow (in Russ.).

Lem, S., 2019. *Solaris: powieść*. Available at: <http://bookswarez.prv.pl> [Accessed 22 July 2019].

The author

Prof. Yuri V. Domanskii, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: domanskii@yandex.ru

To cite this article:

Domanskii, Y.V. 2019, The reality of fiction in a literary world: on an excerpt from Stanisław Lem's *Solaris*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 1, p. 101–107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-6.